

Признаюсь, что много лет профессионально занимаясь театром, редко испытываю чувства, доступные «обыкновенному» зрителю, — радость, восторг, удивление... Хочешь-не хочешь, анализируешь, сравниваешь, воспринимаешь произведение искусства более рационально. Среди постановок, меня потрясших, вспоминаю товстоноговских «Мещан», первых эфросовских «Трех сестер», Олега Борисова в еще ленинградской «Кроткой», явление Олега Меньшикова

в «Калигуле»... Когда забывалось, что ты в театре, тогда масштаб и неожиданность увиденного вызывали эмоциональный стресс. Таким событием стала для меня встреча с Сергеем Есениным в спектакле ермоловского театра «Жизнь моя, или ты приснилась мне?».

Сергей БЕЗРУКОВ:

Актер —

«И похабничал я и скандалил для того, чтобы ярче гореть...»

На сцене был живой молодой поэт, который читал, вылеплял, выжаривал с кровью собственные стихи, прожив единственную и неповторимую есенинскую жизнь, который был буквальной воплощением далекого, давно превратившегося в легенду путаного российского гения. Живой Есенин почему-то назывался артистом, хоть и тоже Сергеем, но Безруковым... Он пьяно куражился, пел под гармошку, издевался над «Дунькой»-Айседорой... а я млела. Кто он? Откуда взялся?

Сейчас спектаклю тому уже больше двух лет. Сергей Безруков за роль Есенина удостоен Государственной премии России. И многих других наград за другие свои работы. А ведь Безрукову всего 24 года!

— Сергей, вы кажетесь баловнем судьбы. Как вы сами себя в этой жизни ощущаете?

— Ненавижу, когда меня называют баловнем! Значит, ты палец о палец не ударил, а с неба тебе все падает за просто так. Актер-

ские дети часто бывают наглými. Везде лезут. Я хоть и рос за кулисами Театра Пушкина, Театра сатиры, где работал отец, был очень скромным, застенчивым. Да и папа бы не позволил плохо себя вести. Наряжаться только вот очень любил, например, в костюме Кота в сапогах: хвост, шлага, сапоги со шпорами — до сих пор помню детское ощущение счастья. Однажды папа сам сшил мне костюм морячка для утренника: тельняшка, бескозырка, гранатку подвесил, маузер... Я рос хорошим мальчиком, других забот, кроме как с кем меня оставить, у родителей не было.

— Вы дружили с отцом?

— У меня и сейчас нет больших друзей, чем папа с мамой. Отец и в футбол со мной гонял, и на рыбалку вместе. Так что у меня никогда не было искушений улицы, дворовых компаний, рядом всегда был батя.

— У вас есть недоброжелатели? Впечатление, что вы любого покорите своей улыбкой, обезоруживающим обаянием...

— Да вроде дорогу никому не перешел, зла не сделал. Но после

фото Михаила ГУТЕРМАНА

это шут, играющий с огнем

веч. Москва. — 1998. — 2 ноября. р. 7

Анна КУЗНЕЦОВА

наград, которые я наполучал, трудно рассчитывать, чтобы в нашей актерской среде у тебя не появилось недругов. Бывает, кто-то скажет: мальчик делает карьеру... Но ведь это в совковые времена можно было вырваться вперед, заняв пост в партачейке или сыграв роль Ленина. Сейчас это не пройдет. В «попсе» можно раскрутить исполнителя без ума и таланта, были бы деньги. В театре такого быть не может. Ты выходишь на сцену, и ... зрители идут на тебя или не идут, их не обманешь. Еще есть вариант: посредственному артисту поджениться на чьей-нибудь важной дочке, лучше главного режиссера, — карьера обеспечена. Это не для меня... За актерской легкостью, органикой, уверенностью в себе может стоять лишь труд, огромный, неустанный. Пот, нервы, кровь. Только следов работы никто не должен замечать. Как в балете! Шут, играющий с огнем, — вот что такое актер!

А к Есенину я долго готовился. Он мне как бы в наследство перешел. Папа мой, Виталий Сергеевич Безруков, замечательный, мощный актер, тоже влюбленный в поэта, — он сыграл его в телевизионном фильме «Анна Снегина», — подарил мне пляску есенинскую, в Берлине, с кулаками. Научился для роли на гармошке играть, сам придумал гармошку. Свистеть научился. Много вставил туда стихов: «Что так смотришь на меня синими брызгами, или в морду хошь?..» — лучше, чем стихами, его жизнь не пересказать. «Ну, распните, распните меня»... Это все мое, родное, как собственное.

— Как по-вашему, любил Есенин Дункан?

— Думаю, да. У нее ведь действительно было очарование, перед которым трудно устоять. У меня у самого случаются романы с женщинами, которые старше. Это жизнь, это природа и это прекрасно... Он хотел славы, мировой славы, он чувствовал свое высокое предназначение. И то, что за границей он увидел: не нужен... — было для него трагедией. Это лукавство, когда мы говорим, что равнодушны к славе! Артист, поэт должен получить все при жизни.

— Сергей, как это произошло? Вы искали возможность сыграть Есенина или Театр Ермоловой вас нашел?

— Наверное, и то, и другое. Пришел я к ермоловцам на первую встречу, сидят три женщины: драматург Нонна Голикова, режиссер Фаина Веригина и Ольга Селезнева — Айседора Дункан. «Сколько же вам лет?» — спросила Ольга. И у меня мужества не хватило ответить — 21. Я тогда еще в Школе-студии МХАТ учился. Двадцать четыре, говорю. Ольга: «Боже мой, какой молоденький!». А я вдруг: «Бабы, это вы зря...» Так я стал Есениным.

— Воистину стали. А Ельцин чего-нибудь сказал вам, когда вручал Госпремию?

— Сказал, так держать ... будущее России.

— Ну как тут не зазнаться?! 24 года. Госпремия. Похвала президента. Успех. Поклонницы...

— Опять же — в работе спасение. А у меня ее много, прежде всего в моем Театре-студии под руководством учителя Олега Павловича Табакова.

— А вам говорили, что вы на него похожи?

— Говорили. И мне это лестно. Но все равно похожим в искусстве надо быть только на самого себя, Сергея Безрукова.

— У вас нешуточный уровень притязаний. И все-таки, как выдержат испытание славой?

— На славе сломаться есть опасность. Постараюсь обойти. Человек слаб. Если не уверен в своих силах, нет примера, авторитета, сломаться можно на чем угодно. На любви... Закрутит голову, можно про все позабыть. Многих губила выпивка. В России меры не знают, даже напротив: если не пьешь — не талантлив... Я могу много выпить. Это расслабляет. Иначе, бывает, голова закипит. Но мне и тут батя пример поддал. Показал, что можно обходиться без водки и быть счастливым человеком.

— Что это вы все батя да батя. Батенькин сынок. А жениться пока не думаете?

— Однажды собрался, а батя сказал: рановато! Потерли, погуляй еще, не принимай судьбоносных решений с кондачка.

— И вы послушались?

— Послушался. Я очень люблю свою семью: маму, папу. И нашу панельную двухкомнатную квартиру в Выхине. Кусково рядом, я живу не в усадьбе, а рядом... Мы

из потомственных нижегородских крепостных крестьян. С родителями расставаться не хочется. Они мне так помогают, страхуют от всех житейских сложностей. У папы колоссальный опыт и интуиция, он меня бережет от многих ошибок. Хотя, конечно, надо переезжать в центр, ближе к работе, коплю деньги на квартиру...

Вот белую «Волгу» отцу купил, он меня на ней возит. Я сам только в кино машину вожу.

— Вы родились в Москве?

— Я зачат на Волге. Родители — коренные волжане: бабушка с дедушкой живут в Лыскове под Нижним. Я каждый отпуск провожу у них. И без Волги, Лысой горы, ночной рыбалки с костерком жизни не представляю... Сидишь на берегу: палатка, самодельный столик из бревнышек (сами сколотили), над тобой звезды и в воде плещется Млечный путь. Тишина... Подплывает пароход: музыка, мерцающие огоньки, веселые люди... Опять все стихает. Ты и космос. Крутой обрыв. Белый монастырь над тобой. Лепота!

— А монастырь-то женский?

— Грешен. Люблю женщин, всяких. Я натурал! Про себя говорю: ни красный, ни коричневый, ни голубой...

— Как же дамы вас до сих пор на себе не женили?

— Ой, мне трудно жениться. У отца с мамой — любовь! И я хочу такую жену, как мама. Терпеливую. Все понимающую. Я очень ревнив. Например, не могу смотреть, как мою девушку кто-то другой целует на сцене. Мое! У меня волжское чувство собственника. Искушений много. По-моему, самые лучшие девушки у нас, в России. А самые красивые — на Волге! Хотя для меня красота — не самое важное. Искренность, доброта, преданность.

— В нашумевшем спектакле «Старый квартал» Теннесси Уильямса ваш герой — голубой.

— Да, там мир со всеми страстями и болями, проститутки, сутенеры, гомосеки. Там много откровенных вещей. Многие плачут на спектакле. Но моего персонажа, его души грязь не касается. Мне это было важно, да и потом, мой герой — все равно мужик!

— Представляю, как девушки вас засыпят «заявками» после нашей беседы...

— Нет, мне еще вольным побыть надо. Я свободу люблю. Очень ценю в своем времени именно возможность свободы. Ну видано ли было в дедовы или отцовские времена, чтобы после мой пародии на Ельцина на юбилее в Театре сатиры меня не только не арестовали, а еще пригласили на телевидение кукол озвучивать!

— Можно поподробнее?

— Опять же батя подсказал сделать пародию под «уральскую рябинушку». Я и спел голосом Ельцина: «Где-то под рябиной ирландцы ждут меня, там Билл мне — мир и дружба, а я ему — о'кей...» Ну а теперь раз в неделю, по понедельникам, когда мы озвучиваем кукол, я одновременно — Ельцин, Жириновский, Зюганов, Явлинский... кто там еще? Бывает, до десяти персонажей.

— Сергей, а у вас есть недостатки?

— Конечно. И первый из них — мне надо все и сразу... Еще. Понимаю, это незаметно, я стараюсь не «светиться»: но я очень неуверенный в себе человек. Недостаю точно настоящим. Но если двоим назначат на одну роль, буду носом землю рыть, чтобы победить — прийти к финишу первым. До работы жадный. Приходится от чего-то отказываться, что-то откладывать... Сейчас, чтобы нырнуть по уши в роль Феликса Круля с режиссером Андреем Житинкиным, от многих других предложений, в том числе киношных, приходится отказываться... Люблю стильно одеваться: пиджаки, смокинг, они не только держат спину — характер. Ненавижу подлость, предательство, лицемерие... А вообще подпился бы под словами Высоцкого — он умер, когда я пошел в школу: «Я не люблю, когда стреляют в спину... Я не люблю, когда мне лезут в душу, особенно когда в нее плюют».